

«Детское» и «старческое» в поэтике И.С. Тургенева

Детство, молодость, старость — в творчестве И.С. Тургенева это не только частые темы, выходящие иногда на уровень политической злободневности, актуальности, но это еще и художественно-философские мотивы, пронизывающие собой многие произведения писателя.

Справедливо ради стоит отметить, что размышления Тургенева о старости, бедах и человеческих несчастьях, сопровождающих старость, чрезвычайно часто встречаются и в его переписке, и в художественных сочинениях. «Детское» же гораздо меньше занимает Тургенева. В его произведениях мы не часто встречаемся и с образами детей. В этой связи разительным будет сопоставление творчества Тургенева с творчеством, например, Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого, где подчас именно образы детей, тема детства в целом могут иметь важное идеально-философское значение, даже выдвигаться на первый план.

Однако же, думается, у Тургенева «детское» и «старческое» — это не только равнозначно важные, глубинные мотивы, но и тесно между собой связанные, коррелирующие, звучащие едва ли не гротесково в своей слияности. Хочется отметить глубокую, скрытую связь этих мотивов: в сочинениях Тургенева, с одной стороны, всегда присутствует память о старости, когда писатель размышляет о детях или касается «детского», а с другой стороны, думы о «старческом» для него всегда сопровождаются своеобразным возвращением назад, к молодости, полной сил.

Как уже отмечалось, образы детей не часты в произведениях писателя, но, однако же, они есть. Обратимся к некоторым из них. Так, крестьянские дети из рассказа «Бежин луг», думается, во многом обрели свое центральное положение благодаря определенной жанровой задаче: Тургенев знакомил читателя и знакомился сам с жизнью и бытом крестьянских ребятишек. Это было ожидаемо в физиологическом очерке, который (хотя и не единственный!) был своеобразным «прапорителем» жанровой формы рассказа, представленной в «Записках охотника». Но, безусловно, задачу писателя-«физиолога» можно и должно здесь рассматривать лишь только как первичную мотивацию. Неслуч-

чайно образы крестьянских детей — Феди, Павлуши, Кости, Ильюши, Вани — расширили ту социальную дефиницию, которая задается их происхождением. Писателя волновали психологические стороны натуры мальчиков, в каждом из них он видит «общечеловеческое лицо» ([1]; 9—10). При этом нельзя забывать, что дети оказываются включены в особый конфликт, на котором строится все повествование, внешне, казалось бы, и не имеющее единого сюжета (кроме очеркового). Этот конфликт сопряжен с Неведомым — таинственным, зловещим и смертельным. Смертью или ожиданием смерти, страхом смерти сопровождаются все рассказы мальчиков; смертью реальной, но предсказанной и предчувствованной, «Бежин луг» и заканчивается.

Смерть и дети, казалось бы, несопоставимые понятия. Но у Тургенева в рассказе нет щемящей душу несправедливости по поводу этого: здесь, в мире «детском», действуют те же законы жизни и смерти, которые позже так явственно скажутся в тургеневском «Довольно». «Человек дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нет предпочтений: все, что существует в ее лоне, возникло только на счет другого и должно в свое время уступить место другому — она создает, разрушая, и ей все равно: что она создает, что она разрушает — лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла прав своих...» ([2]; VII, 228—229). Более того, крестьянские ребятишки не только ведут вовсе не детские разговоры (об Антихристе-Тишке, о смерти Васи и горе его матери Феклисти и др.), но и сами напоминают скорее маленьких взрослых — настолько рассудительны и деловиты их речи. Финал рассказа, предваряющий известие о смерти Павла, повествует о красоте и силе жизни, о ее зарождении — каждый день, каждое утро (...полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Все зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило». [2]; III, 105). И на этом фоне зарождающаяся, молодая жизнь Павла прерывается: таково, по Тургеневу, существование человека на земле — минутное, случайное, лишенное.

«Детское» в поэтике творчества Тургенева в целом, не только в «Бежином луге», как бы не имеет своих возрастных преимуществ. Дети как ангелы, создания Божьи, не обладают у писателя особым знанием, откровением о мире. Только дети, в которых больше взрослого, недетского приближены к этому откровению. (Тургенев часто подчеркивает недетскость, серьезность и своих романовых героинь; эти качества свойственны и Наталии Ласунской, и Лизе Калитиной, и Елене Стаховой).

Интересны в этой связи наблюдения Тургенева, сделанные им в 1850-м году и отраженные в письмах к Полине Виардо. Он описывает

девочку Анну, взятую в дом к его матери на воспитание. Его занимает противоречивость девочки, выражаяющаяся прежде всего в «такой работе мыслей, такой борьбе чувств» ([3]; I, 502). Но ровно через три месяца (невеликий срок!) писатель замечает, что «эта маленькая Асенька — этот прелестный, странный ребенок /.../ — вдруг сразу выросла, подурнела, поглупела». Далее он продолжает: «...Если бы эта перемена не произошла, то она, вероятно, умерла бы, как все рано развивающиеся дети. А все-таки жалко. Это превращение более естественно, более здорово, но гораздо менее интересно» ([3]; I, 418—419). «Взросление» Аси не было отмечено чем-то большим, чего всегда ожидал от своих герояев и от тех, кто был рядом с ним в жизни, Тургенев.

Став старше (за три месяца) Ася, видимо, не изменилась, и «работа мыслей», «борьба чувств» ни к чему не привели. Интересен в этом письме не только мотив «старения без изменений», душевых прежде всего, но и мотив «рано развивающегося ребенка». Это тот необходимый залог глубокой души, которая приведет человека к прозрению, открытию тайны человеческого существования, которое, по Тургеневу, состоит в приятии мимолетности жизни, неизбежности смерти (жизнь даваемой) и сознании хрупкости всего человеческого.

В повести «Ася» Тургенев, как известно, воспользуется пережитыми личными впечатлениями и опишет героиню, чем-то похожую на эту девочку. В тургеневской Асе подчеркиваются разные «странные» — поведенческие, например: так, она похожа на осторожного зверька («дичится», «ежится», легко прыгает по развалинам). К числу «странных», запоминающейся неповторимости героини, можно отнести и ее детскость. «Было что-то свое, особенное, в складе ее смугловатого круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щечками и черными светлыми глазами» ([2]; V, 153). Говорится также и о том, что волосы Аси были «остриженные и причесанные /.../ как у мальчика» ([2]; V, 154), а иногда она, словно ребенок, позволяет себе «чудить» ([2]; V, 162). Здесь детское в героине, с одной стороны, можно понимать как ее способность смотреть на мир открытыми глазами, а с другой стороны, как свидетельство неразвитости душевной. Неслучайно героиня, испытав сильное чувство, много выстрадав, как бы достигает некой вершинной точки прозрения. Ее знание о мире автор не определяет, не проговаривает, оно само по себе таинственно. Но читателю ясно, что после этого откровения уже как бы и не стоит жить. Ася «исчезает навсегда» ([2]; V, 194), что равнозначно смерти.

Образ Аси еще раз обращает к тургеневской философской концепции человека как случайной «математической точки», и мир детства не ис-

ключен из этого общего правила, он лишь несведущ в этом знании. Взросление-прозрение (а не обычное — возрастное взросление) выравнивает ситуацию, пустота неведения исчезает. Но это глубокое знание о мире со-пряжено со смертью, внезапной недетскойностью, «старческим».

Иногда в поэтике Тургенева «детское» является едва ли не негативной, даже зловещей характеристикой. «Детское» становится знаком пустоты, холода душевного. В этой связи хотелось бы обратиться к образу Веры Николаевны из повести «Фауст». Одной из доминирующих черт этого образа является детскость героини. Впервые знакомя читателя с Верой Николаевной, автор отмечает, что «голос у нее звенел, как у семилетней девочки», и она «до семнадцатилетнего возраста не прочла ни одной повести, ни одного стихотворения» ([2]; V, 98), хотя при этом была начитана по естественным наукам и истории. Даже по прошествии девяти лет, снова увидев Веру Николаевну, герой отмечает, что его поразило в ней отсутствие перемен. Она так же, как и прежде, напоминала семнадцатилетнюю девочку: «Когда она вышла мне навстречу, я чуть не ахнул. Семнадцатилетняя девочка, да и полно!». Вера Николаевна и «одета была как девочка: вся в белом, с голубым поясом и то-ненькой золотой цепочкой на шее» ([2]; V, 101), она носила «детскую шляпу, точно такую же, какую надела ее дочь» ([2]; V, 103). Вообще со-поставления с дочерью только усиливают детскость героини, хотя дочь Веры Николаевны, похожая на бабку — «старуху» Ельцову — гротеско-во совмещает в себе смыслы «детского» и «старческого». Эта «неизменность» Веры Николаевны — «оставалась семнадцатилетней девочкой» — выглядит даже пугающе для героя. Он размышляет о том, что «женщина в двадцать восемь лет, жена и мать, на должна походить на девочку: недаром же она жила» ([2]; V, 105).

Примечательно, что такие же интонации писатель внес и в образ дочери Лаврецкого. Изначально Тургенев отмечает в девочке нечто кудильное: у нее были «крупные русые кудри», она была «очень изящно одета» ([2]; VI, 116). Но в эпилоге Тургенев показывает иное: «Из румяного, пухлого ребенка она превратилась в слабогрудую, бледненькую девочку; нервы ее уже расстроены» ([2]; VI, 153. От этого описания веет смертью).

Духовная жизнь Веры Николаевны была как бы «заморожена», что являлось своего рода залогом существования без тревог и страданий. Неслучайно мать говорила ей о «льде», «камне» — силе и прочности такого существования. «Гы как лед: пока не растаешь, крепка, как камень, а растаешь, и следа от тебя не останется» ([2]; V, 125). Семнадцатилетняя девочка — прочный камень. А вот приблизившаяся к от-

кровению о мире женщина в finale повести такой прочности неведения уже не имеет. Ее детскость сменяется всеведением и смертью заканчивается. Знание о Неведомом («Мы все должны смириться и преклонить головы перед Неведомым». [2]; V, 128), мудрость оказываются у Тургенева опять сопряжены со смертью, а смерть — со старческим всеведением.

Тургенев часто писал о старости в своих письмах, причем эти мысли встречаются и тогда, когда писателю около 30 лет («Я недаром состарился, — я успокоился и теперь гораздо меньшего требую от жизни, гораздо большего от самого себя». Письмо Е.М. Феоктистову, 2-я пол. 1852 (?) года. [3]; II, 101), и в последние годы его жизни. Мотив «старческого» становится постоянной художественно-философской доминантой. И не только потому, что писатель ощущает возраст, плохо себя чувствует (а, как известно, Тургенев очень печалился о своем здоровье). Мысль о старости и смерти — самом важном и решающем для человека событии — не столько его пугала (хотя таких интонаций немало у Тургенева), сколько означала как бы высший этап или рубеж, когда самое важное в жизни становится понятным. Так, Лиза Калитина много думает о смерти и объясняет почему: «Христианином нужно быть /.../ не для того, чтобы познавать небесное... там... земное, а для того, что каждый человек должен умереть» ([2]; VI, 82).

Неслучайно для писателя «старческое» приобретает характер наивысшего просветления, откровения, хотя и чреватого смертью, сопряженного с ней. Так в одном из писем Ю.П. Вревской (от 10 (22) марта 1875 года) Тургенев отмечает: «... Чувствую также, что если мы теперь не встретимся — то уже никогда не встретимся, или если встретимся — то «в новом мире» — т.е. в старости — и «друг друга не узнаем» (как у Лермонтова)» ([3]; IX, 44—45). Тургенев обращается к лермонтовскому переводу Г. Гейне, к стихотворению «Они любили друг друга так долго и нежно...», где встреча двух любящих сердец происходит «за гробом»:

И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали ([4]; 534).

Интересен также тот факт, что Вревская была моложе Тургенева почти на 20 лет (1841 г.р.), и их предполагаемая встреча «в старости» мыслилась писателем, безусловно, не в буквальном смысле.

И для Тургенева этот «новый мир» равнозначен «старости», то есть какому-то новому состоянию, которое как бы приоткрывает границы того неведомого, что ожидает человека вне его земной жизни. Неслучайно последнее сочинение писателя, «Стихотворения в прозе», имело

и другие названия. Это «*Senilia*», то есть «старческое», и «*Posthuma*», то есть «посмертное» (в переводе с латинского). Причем последнее название — «*Posthuma*» — означает не только то, что автор не желал публиковать при жизни это произведение (хотя это одна из возможных и верных трактовок данного заглавия¹), но и то, что в нем он подошел к откровению загробного, замогильного «бытия» человека, сопрягаемого со «старостью». Параллелизм этих двух заглавий очевидно неслучайен: они дополняют и объясняют друг друга.

Безусловно, мотив «старческого» не исчерпывается значением наивысшего откровения, знания о мире. Старость для Тургенева — это еще и болезнь, бездействие, одиночество. Такие смыслы прослеживаются и в уже упоминаемых «Стихотворениях в прозе», и в письмах, особенно в последние годы жизни писателя. Однако вернее было бы сказать, что трагические значения мотива «старческого», связанные с недугами и одиночеством, переплетаются со смыслами, актуализирующими просветленное, высшее понимание мира. Думается, это обязательно нужно учитывать, анализируя и «Стихотворения в прозе» и другие сочинения, где этот мотив присутствует.

Интересный пример, с нашей точки зрения, представляет роман «Дворянское гнездо», где чрезвычайно важными, особенно в эпилоге, оказываются мотивы молодости, веселья и радости, а также «старческого». Все старое в finale романа, связанное со старым «дворянским гнездом» Калитиных, старыми его обитателями, хозяевами, слугами, даже старыми собаками, обозначено как «отжившее» и ушедшее. И на развалинах этой старой жизни пробивается радостная и веселая жизнь молодого «дворянского гнезда». Этому «молодому» (почти детскому, так как обитатели дома веселятся и ревятся как дети, им достаточно увидеть уже позабытого Лаврецкого, чтобы испытать небывалый прилив радостных чувств) вроде бы дела нет до тех, кто жил здесь давно, до их переживаний и страданий ([5]; 155), — и действительно, трагическая сторона бытия пока скрыта от них. Однако «старое» хотя и «зменяется» ([2]; VI, 157), но не отрицается этой молодой жизнью, так как оно становится как бы опорой, основой «молодых сил». Эти интонации отражены в прощальном монологе Лаврецкого, в котором он благословляет молодое поколение и «в виду конца (то есть смерти. — И.Б.), в виду ожидающего Бога» приветствует свою «одинокую старость» ([2]; VI, 157). И эта «старость» (хотя Лаврецкий по летам еще относительно

¹ Такая трактовка принята в академическом собрании сочинений: Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10.

молод) является не только знаком конца, смерти, знаком догорающей «бесполезной жизни», но и знаком какого-то нового состояния, тихого и просветленного, а не только скорбного.

Эти интонацииозвучны строкам, которые писал Тургенев Е.Е. Ламберт (письмо от 8 января 1861 года). «Я чувствую себя как бы давно умершим, как бы принадлежащим к давно минувшему, — существом — но существом, сохранившим живую любовь к Добру и Красоте. Только в этой любви уже нет ничего личного... Возможность пережить в самом себе смерть самого себя — есть, быть может, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Вот — я умер — и все-таки жив — и даже, быть может, лучше стал и чище. Чего же еще?» ([3]; IV, 184—185). Смерть и старость рождают новое понимание и видение жизни, где нет конца и бездны, а есть бессмертие — вот старческое откровение Лаврецкого, которое соединяет его с молодой жизнью. Трагическая сторона всего личного, счастья прежде всего, — тоже часть «старческого» знания Лаврецкого. Она, молодая жизнь, пока об этой истине не ведает, но на нее опирается — опирается на старческий опыт отцов, как бы приобретает его по наследству, что абсолютно очевидно самому герою. «... Жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть — и сколько нас не уцелело! — а вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами» ([2]; VI, 158).

В заключение хотелось бы добавить, что размышления, отраженные в этой статье, — лишь некоторые замечания к большой и интересной теме, обозначенной в ее заглавии.

ЛИТЕРАТУРА

1. См об этом в книге: Недзвецкий В.А., Пустовойт П.Г., Полтавец Е.Ю. И.С. Тургенев. М., 2000.
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. М., 1981. Далее ссылки на сочинения Тургенева приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы.
3. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.-Л., 1961. Далее ссылки на письма Тургенева приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы.
4. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. М.-Л., 1958. Т.1.
5. См об этом: Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л., 1982.

The 'Childish' and the 'Old-age' in I.S. Turgenev's Poetics

In the article an attempt is made to follow the motifs of the 'childish' and the 'old-age' in Turgenev's poetics which penetrate all his works. The article deals with the most important Turgenev's novels, stories and with the letters of the writer. The author sought to emphasize the philosophical character of the motifs mentioned above and to describe their ambivalent nature. The 'childish' motif often has ominous sense and is concerned with death, but the 'old-age' one deals with the highest revelation of the world, with apocalypse sense. However all the investigations and conclusions have preliminary character.